

Интервью с Ниной Меньковой.

Интересные вопросы, интересные ответы

— Сегодня строят много баз, появилось много хороших лошадей. Правда, конное дело — непростое, быстро разобраться в нем невозможно, нужны специалисты, знания. К сожалению, часто люди, имеющие большие материальные возможности, не любят обращаться к специалистам и долго учатся на своих ошибках. И пока они поймут, что к чему, уходит много времени, уходят лошади, люди... Хотя есть и другая сторона вопроса — многие конники обманывают коневладельцев, пользуясь их невежеством.

- *Может быть, поэтому они и не обращаются к специалистам?*

- Конечно, это не просто, но, раз уж это направление развивается, то и конникам, и их работодателям придется приходить к взаимному пониманию и уважению. Раньше вы выступали на лошадях конного завода имени Доватора — Пост, Гарпун, Диксон. Какие лошади у вас в тренинге сегодня?

- У меня в работе три лошади. Один — украинской верховой породы и два из Германии — голштинец и ганновер.

- *Как вы считаете, можно ли найти в России лошадей такого же класса, как на Западе?*

- Можно, тем более что немецкие лошади при всех их замечательных качествах, требуют специального ухода, у них более слабое здоровье, больше склонность к разным видам аллергии. Один руководитель недавно задал мне вопрос: «Почему теперь лошадям требуется так много дорогих подкормок, медикаментов, ведь раньше прекрасно обходились без них?» Я ответила: «Раньше вы ездили на «Москвиче» и масло заливали подешевле, и ремонтировали его в гараже у дяди Васи, а теперь сели на дорогую иномарку, дороже вам обходится ее содержание?» Наши лошади селекционно более приспособлены к нашим условиям.

- *А как же Балагур, вообще нетрадиционной для выездки породы — рысистой? Это феномен?*

- Конечно, это феноменально талантливая лошадь. Но орловские рысаки вообще талантливы, это яркие личности. Дело в том, что в Германии создана стабильная система отбора и выращивания гарантированно высококласных лошадей для определённых видов конного спорта. Очень важно, что отбор у них идет не только по спортивным качествам, но и на добронравность. У нас считается, что если лошадь породистая, способная, то она может быть строптивой, и даже злобной.

- *Наверное, многое зависит и от воспитания? Конные заводы жалуются на отсутствие кадров, низкие зарплаты...*

- Конечно, воспитание жеребенка очень важно. В свое время мне очень нравился завод им. Доватора именно потому, что лошади там проходили через ласковые руки. Хороший характер их лошадей выражался даже в том, что они не жадничали во время еды. Важно и то, какой характер у матери жеребенка. Например, мой Диксон был очень сложной в работе лошадью. А что можно было с него спросить, если его мама умерла незаезженной? Мама — первый воспитатель жеребенка. Но не меньше значение имеет и генетика. Система отбора, лицензирования в коневодстве должна обязательно за определенные деньги гарантировать такое качество как отдатливость лошади в работе. Такая система экономит труд и время всадника. Я подсчитала, у меня в тренинге за все годы было около 50 лошадей. Из них 8 дошли до Большого приза. Остальные отсеялись. Сколько пришлось потратить труда - одни оказались неспособными, другие злобными и упрямыми, третьи - со слабым здоровьем. На Западе уже под кобылой жеребенок начинает тестироваться, да и кобылы, предназначенные в матки, тестируются. Однажды меня пригласили поработать 3-летней, только заезженную кобылку во Франции. Я должна была позаниматься с ней выездкой, потом с ней занимался конкуррист - и все это только для того, чтобы она в 4 года выступила на специальном турнире и получила лицензию на племенную деятельность, благодаря которой её можно будет крыть лучшими жеребцами и получать дорогих жеребят. Так что эти усилия были оправданы. У меня было всего 4 недели, и я была поражена, как быстро она усвоила то, чему я её учила. Она была очень восприимчива и старательна.

- *Почему же тогда немецкие спортсмены выступают на лошадях советской селекции? Расти, Уолл-стрит, Биотоп под Р.Климке...*

- Кстати, Биотоп был очень сложным в работе. В ЦСКА его многому научили, но в полном подчинении он не был. Климке был очень опытный всадник, кроме того, крупный, физически сильный. И я знаю, как он с ним работал — перед стартом закрывался в манеже, и через два часа оба выходили оттуда «выжатые». Так что все не так просто. А наших лошадей они любят потому, что покупают уже готовых. Знаете, каких денег у них стоит лошадь Большого приза? А у нас

берейторский труд по-прежнему очень дешевый.

- Но они говорят в своих интервью, что приходится все переделывать... — Слышала я и эту историю. Что-то они действительно переделывают под свою, немецкую манеру езды. У нас большинство всадников едут на легком повод. У них — наоборот, вкладывают лошадь в повод, и иной раз видно, как всадник себя руками притягивает к седлу и сидит как влитой за счет того, что противовесом держится за повод. При этом общее равновесие не нарушается, никто не отменял закона «насколько тяжел повод, настолько сильным должен быть посыл». Жестким шенкелем вгоняют в жесткий повод и на таком жестком контакте и едут. Поэтому наших лошадей им приходится переучивать. Кира Кёрклунд купила в Ленинграде Эдинбурга и сначала не могла на нем ехать. Ей пришлось вызывать И.М. Кизимова и у него учиться. Но она не переделывала лошадь под себя, а переучивалась сама.

- А что вы думаете о французской «легкой» школе верховой езды — Когда я закончила спортивную карьеру на Диксоне — сама себя объехала на Гарпуне на международных соревнованиях, директор нашей школы сказал, что Диксона надо или продавать или отдавать детям. Но у коня был бойцовский характер, и я понимала, что дети с ним не справятся. Будут его наказывать, и пострадают обе стороны. Битьем от него ничего не добьешься. И я решила продать его на Запад. На Диксона претендовала голландская спортсменка, которая несколько лет выступала в составе сборной страны, ее лошадь состарилась, и она искала себе другую для выступления на ближайшей Олимпиаде. Она села на Диксона и — я была в шоке — не смогла сделать не только ни одного элемента, но даже проехать стенку рысью! Она так зажала его ногой, так вцепилась в повод, что он просто подставил челюсть и попер. Она помучалась два дня и отказалась. Потом на него попросила разрешения сесть известная в то время французская всадница Доминик Десне, которая много лет выступала за сборную Франции. Она тихонько покаталась на нем, и через 15 минут Диксон делал у нее абсолютно все — пассаж, менку ног в темп... Никаких трудностей. Из чего я сделала вывод, что наша и французская школа близки. В конечном итоге Диксона купила американка, любитель. Ей было уже за 40, она выступала по любительским ездам и захотела учиться большим ездам. Я увидела, как она прислушивается к лошади, мы позанимались с ней четыре дня. По элементам лошадь делала все. Был у меня и другой случай. Ко мне попал очень красивый, но сложный по характеру жеребец. Он с удовольствием катал кого угодно, новичка бы не уронил. 170 см в холке, очень здоровый. Но как только от него требовали подвести задние ноги, появлялось полное неприятие серьезной работы. Прыгать он тоже отказывался. Но я привыкла — взялся за гуж... В общем, к семи годам по отдельным элементам Большого приза я его подготовила. Но так и не выступила на нем, потому что больше 3-4 элементов подряд сделать не удавалось, мне надо было отдохнуть, отдышаться. Требовался очень сильный посыл, чтобы держать его в состоянии сбора. И я продала эту лошадь известному молодому западному всаднику. Он целую неделю испытывал лошадь — в том числе, на вожжах, в руках, сажал жену и смотрел со стороны. В конце концов, сказал: «Я чувствую, что в нем есть какая-то сложность, но мне очень нравится, как он двигается, какой он красивый. К тому же мне нужен производитель». И я думала, что наконец-то лошадь нашла своего всадника. Через год мы встретились с этим спортсменом на турнире, и он признался, что не справился с жеребцом. Я поняла почему. Он по немецкой школе позволил ему упереться в повод. А тут уже никакой человеческой ноги не хватит, чтобы выслать его вперед! Я видела маму этого жеребца в табуне — это такая гора, стояла и смотрела за дисциплиной, она строила абсолютно всех, характер — огого!

- Немцы впереди по результатам выступлений?

— Конная индустрия у них поставлена на очень высокий уровень. Конный спорт — это ... Когда мы были сильным государством, нас принимали за границу совсем по-другому, чем сейчас. Я помню, как наша команда, тогда уже команда СНГ, приехала на турнир в Аахен, и наших лошадей ставили в самые лучшие конюшни. А когда мы в последний раз приехали в этот город на турнир, наше место оказалось возле навозной кучи, под навесом. Об этом не говорится открыто, но очень много зависит от уважения к государству.

- А на судействе это отражается?

— Да, влияет общая обстановка. И раньше меня учили: «Чтобы выиграть у западного всадника, ты должна выступить на две головы выше него». Если будешь ехать, как он, не выиграешь. Когда Филатов на Абсенте выиграл, судьи ведь очень долго совещались, смотрели пленки, но деваться им было некуда. Вообще в выездке, если выступаешь блестяще, но тебя не знают судьи, спортивная общественность, близко к первым местам не будешь. Нужно в течение длительного

времени стабильно показывать хорошую езду, и тогда постепенно твое место будет подниматься выше и выше. Зато если уж попал в десятку лучших, твой авторитет начинает работать на тебя. А потом садишься на новую лошадь и начинаешь все с начала. И судья побаивается ставить тебе высокую оценку — а вдруг твое хорошее выступление — случайность? Многие судьи, даже оценивая езду одного всадника, посмотрев на один пируэт, не ставят оценку, пока не увидят второй. И если второй пируэт сорвешь, за первый высокую оценку не поставят.

- А почему спортсмены, достигнув вершин мастерства, заработав себе имя, вдруг уходят из спорта в самом расцвете сил?

— По разным причинам. Может быть, теряют интерес, может быть, спорт начинает мешать семейной жизни. Ведь такая работа требует огромной отдачи. Сколько лет я в конном спорте, и знаю, что когда уезжаешь, никто не будет следить за твоей лошадью, как ты сам. Может быть, поэтому я и несемейный человек. Ни один муж этого не выдерживал. Лошади у меня в голове 24 часа в сутки. Хотя это все очень индивидуально. Может быть, уходят потому что здоровья не хватает. В конкуре и троеборье — травмы, в выездке — изнашивание позвоночника.

- Скажите, пожалуйста, в чем секрет успеха голландской школы выездки в последние годы?

— Она ничем не отличается от немецкой. Это все политика, большие деньги. Лет 10 назад в Голландии появился очень хороший молодежь, нужно было поднять на него цену, и решили «поднять» голландцев.

- Как вы считаете, будут ли когда-нибудь проводиться крупные турниры в Сибири?

— За границей никто на такие расстояния не ездит, только летают. Одно дело в Калининградскую область приехать, другое — в Сибирь. Хотя, если найдутся денюжки на дорогу, почему нет? Когда оргкомитет Кубка Мэра оплачивал транспортировку лошадей до Москвы, так самые-самые лучшие к нам прилетали.

- Как вы относитесь к проведению семинаров ведущими всадниками и судьями?

— Положительно. Если хоть одно зерно человек из семинара вынесет, уже хорошо. Ведь если заниматься только по книгам, невозможно следить за современными тенденциями. Например, я помню, как менялось представление о том, каким должно быть постановление на принятии. Были годы, когда считалось правильным минимальное постановление, а были такие, когда считалось, что оно должно быть настолько сильным, насколько крутое исполняется принятие.

- А можно вас пригласить провести семинар? Не хотите ли вы написать книгу?

— Я совсем не писатель и вообще не считаю себя таким уж большим специалистом. Каждая новая лошадь объясняет мне, что я ничего в этом деле не понимаю. Я не умею учить. Дело в том, что я сама поздно начала заниматься конным спортом. В первый раз села на лошадь в 16 лет, в прокате. А в СССР группы в спортшколы набирали с 11-12 лет, в каждом возрасте ребенок обязан был показывать определенные результаты, для того чтобы оставаться в группе, и чтобы тренер имел право держать под ним лошадь и получать зарплату. А я ни под какие мерки не подходила. Поэтому я дергала всех за рукав, спрашивала, некоторые отмахивались от меня, некоторые — делились. В голове не осталось никакой тренерской методики. Помню, как наш известный всадник Н.А.Ситько мне объяснял что-то. Слова все были понятные, но о чем он говорил, я начала понимать только спустя годы. Лет через 10-15 вспоминала его слова и понимала — вот оно что!

- Как же вы попали в большой спорт?

— По шажочку, по шажочку... Я никогда о нем не мечтала. Если бы я могла предположить, что это станет моей профессией, я бы не поступала в технический ВУЗ, а пошла бы в ветеринарный. А тогда отец отшиб эту мысль сразу: «Кто тебе сказал, что ты будешь работать с лошадьми, запрут в деревню (тогда была система распределения), и будешь принимать роды у свиней». Потом ветеринарные знания мне очень понадобились, но я уже не могла позволить себе учиться на дневном, а вечернего отделения в ветакадемии нет. Моя первая лошадь была выбракована из троеборья на списание. Это был жеребец чистокровной верховой породы. Молодой ветврач попросил разрешения оставить его и подлечить, чтобы он мог стать производителем, у него было хорошее происхождение. После года лечения его предложили мне как ненужную лошадь ненужному всаднику. И мы с ним 4 года шли от «молодой троеборной езды» до Малого приза. Тогда самой простой ездой был Малый приз. Никаких юношеских и любительских. Тренировалась я, будучи студенткой, вечером, при свете дежурной лампочки, т.к. свет в манеже не разрешали включать для меня одной. Как учить лошадь некоторым элементам, я вообще не знала. Например, мой жеребец менял на галопе ноги только передними ногами. И тренер школы, член сборной, попробовав пару раз сесть на него, сказал: «Он никогда не будет делать менку. Не трать на него время». А другой тренер, из «Динамо», Тиверовский (я же ко всем приставала с вопросами)

сказал: «Я коня не видел, но одно скажу, если тебе удастся научить его этому элементу, он не будет врать на менке никогда». Так и получилось. Через несколько лет я могла менять на нем ноги на недоуздке, сидя задом наперед и в тапочках.

- Как же вам это удалось?

— Непросто. Я не имела представления о равновесии лошади, но знала, что если в момент перемены заставлю ее сильно отбросить задние ноги в сторону, она вынуждена будет поменять ногу. И научила, но при этом мой жеребец раскачивался — метр туда — метр сюда. Надо было его выравнивать. Я нашла в лесу узенькую тропинку через болото, с двух сторон от которой были канавки, куда проваливались ноги лошади, если она заносила их в стороны. Все это было долго и мучительно, но в конечном итоге этот жеребец привез мне звание чемпионки Спартакиады Москвы и кандидата в мастера спорта, чем привел в шоковое состояние наших чемпионов.

- Ваш пример очень важен сегодня, когда многие всадники жалуются: то лошади не хороши, то тренера нет, то манежа...

— Я ездила на разных лошадях, в том числе на стареньких, которые ушли на пенсию, но им нужен был моцион. Позанимаюсь на таком, потом уеду летом на практику, вернусь — а его уже отправили в завод. А наш старый зоотехник говорит: «Не плачь, я тебе другого дам, он полгода стоял, но очень хороший». До сих пор я не люблю соревнования и стараюсь выступать только после основательной подготовки — привычка с тех пор, как я боялась, что лошадь из-под меня передадут какому-нибудь «перспективному разряднику».

- Как же может спортсмен не любить соревнования?

— А может ли студент любить сессию? Хотя сейчас популярна другая тенденция — накапливать соревновательный опыт. Некоторые молодые любят выступать — лошадь еще ничего не умеет, но — напялят фрак, цилиндр... Иногда видишь, как лошадь не выполняла элемент три года назад, так и сейчас не выполняет. А когда ей учиться, если они все время соревнуются — отдохнули после одного турнира, и сразу готовятся по схеме езды к следующему. Некогда работать над элементами. Выступления нужны для того, чтобы выявить свои недостатки, потом поработать над ними и показать в следующий раз какой-то прогресс.

Вопросы задавали Е. Михеева и А. Калачева (гл. редактор журнала «Конь мой вороной»)

Н.А.МЕНЬКОВА: «НАДО ВЕРИТЬ В ЛОШАДЬ!» ЧАСТЬ 1

О требованиях спортсмена к селекции спортивной лошади, моде в выездке, о работе с лошадьми и своем пути в спорте нам рассказала заслуженный мастер спорта международного класса, неоднократная чемпионка страны, призер Олимпийских игр и Чемпионата Европы, член сборной страны по выездке в течение многих лет Н.А.Менькова. Показать полностью...

Нина Александровна, вы одна из ведущих всадников нашей страны на протяжении многих лет. Поэтому нам особенно интересно ваше мнение о современных тенденциях в российском конном спорте.

— Сегодня строят много баз, появилось много хороших лошадей. Правда, конное дело — непростое, быстро разобраться в нем невозможно, нужны специалисты, знания. К сожалению, часто люди, имеющие большие материальные возможности, не любят обращаться к специалистам и долго учатся на своих ошибках. И пока они поймут, что к чему, уходит много времени, уходят лошади, люди... Хотя есть и другая сторона вопроса — многие конники обманывают коневладельцев, пользуясь их невежеством.

Может быть, поэтому они и не обращаются к специалистам?

— Конечно, это не просто, но, раз уж это направление развивается, то и конникам, и их работодателям придется приходить к взаимному пониманию и уважению.

Раньше вы выступали на лошадях конного завода имени Доватора — Пост, Гарпун, Диксон. Какие лошади у вас в тренинге сегодня?

— У меня в работе три лошади. Один — украинской верховой породы и два из Германии — голштинец и ганновер.

Как вы считаете, можно ли найти в России лошадей такого же класса, как на Западе?

— Можно, тем более что немецкие лошади при всех их замечательных качествах, требуют специального ухода, у них более слабое здоровье, больше склонность к разным видам аллергии. Один руководитель недавно задал мне вопрос: «Почему теперь лошадям требуется так много дорогих подкормок, медикаментов, ведь раньше прекрасно обходились без них?» Я ответила: «Раньше вы ездили на «Москвиче» и масло заливали подешевле, и ремонтировали его в гараже у дяди Васи, а теперь сели на дорогую

иномарку, дороже вам обходится ее содержание?» Наши лошади селекционно более приспособлены к нашим условиям.

А как же Балагур, вообще нетрадиционной для выездки породы — рысистой? Это феномен? — Конечно, это феноменально талантливая лошадь. Но орловские рысаки вообще талантливы, это яркие личности. Дело в том, что в Германии создана стабильная система отбора и выращивания гарантированно высококлассных лошадей для определенных видов конного спорта. Очень важно, что отбор у них идет не только по спортивным качествам, но и на добронравность. У нас считается, что если лошадь породистая, способная, то она может быть строптивой, и даже злобной.

Наверное, многое зависит и от воспитания? Конные заводы жалуются на отсутствие кадров, низкие зарплаты...

— Конечно, воспитание жеребенка очень важно. В свое время мне очень нравился завод им. Доватора именно потому, что лошади там проходили через ласковые руки. Хороший характер их лошадей выражался даже в том, что они не жадничали во время еды. Важно и то, какой характер у матери жеребенка. Например, мой Диксон был очень сложной в работе лошастью. А что можно было с него спросить, если его мама умерла незаезженной? Мама — первый воспитатель жеребенка. Но не меньше значение имеет и генетика. Система отбора, лицензирования в коневодстве должна обязательно за определенные деньги гарантировать такое качество как отдатливость лошади в работе. Такая система экономит труд и время всадника. Я подсчитала, у меня в тренинге за все годы было около 50 лошадей. Из них 8 дошли до Большого приза. Остальные отсеялись. Сколько пришлось потратить труда — одни оказались неспособными, другие злобными и упрямыми, третьи — со слабым здоровьем. На Западе уже под кобылой жеребенок начинает тестироваться, да и кобылы, предназначенные в матки, тестируются. Однажды меня пригласили поработать 3-летнюю, только заезженную кобылку во Франции. Я должна была позаниматься с ней выездкой, потом с ней занимался конкуррист; — и все это только для того, чтобы она в 4 года выступила на специальном турнире и получила лицензию на племенную деятельность, благодаря которой ее можно будет крыть лучшими жеребцами и получать дорогих жеребят. Так что эти усилия были оправданы. У меня было всего 4 недели, и я была поражена, как быстро она усвоила то, чему я ее учила. Она была очень восприимчива и старательна.

Почему же тогда немецкие спортсмены выступают на лошадях советской селекции? Расти, Уолл-стрит, Биотоп под Р.Климке...

— Кстати, Биотоп был очень сложным в работе. В ЦСКА его многому научили, но в полном подчинении он не был. Климке был очень опытный всадник, кроме того, крупный, физически сильный. И я знаю, как он с ним работал — перед стартом закрывался в манеже, и через два часа оба выходили оттуда «выжатые». Так что все не так просто. А наших лошадей они любят потому, что покупают уже готовых. Знаете, каких денег у них стоит лошадь Большого приза? А у нас берейторский труд по-прежнему очень дешевый.

Но они говорят в своих интервью, что приходится все переделывать...

— Слышала я и эту историю. Что-то они действительно переделывают под свою, немецкую манеру езды. У нас большинство всадников едут на легком поводе. У них — наоборот, вкладывают лошадь в повод, и иной раз видно, как всадник себя руками притягивает к седлу и сидит как влитой за счет того, что противовесом держится за повод. При этом общее равновесие не нарушается, никто не отменял закона «насколько тяжел повод, настолько сильным должен быть посыл». Жестким шенкелем вгоняют в жесткий повод и на таком жестком контакте и едут. Поэтому наших лошадей им приходится переучивать. Кира Кёрклунд купила в Ленинграде Эдинбурга и сначала не могла на нем ехать. Ей пришлось вызывать И.М. Кизимова и у него учиться. Но она не переделывала лошадь под себя, а переучивалась сама.

Распространено мнение, что западные всадники работают с лошадьми более мягко, чем российские.

— Нет, это на людях они работают мягко. Наши старые конники говорили о немцах: «Они из молодой лошади всю душу выколотят, пока у нее взгляд не станет кроткий-кроткий, а потом работают мягко-мягко». И потом, не забывайте, они берут в работу не сырой молодежь, а полуфабрикаты. А самая тяжелая и травмоопасная работа бывает именно с молодой лошастью, когда животное не понимает, почему оно должно подчиняться, если оно большое, сильное, ловкое, у него реакция лучше, чем у человека. И тут нужна и мягкость, чтобы наградить лошадь за малейшую уступку, и жесткость, чтобы настоять на своем. Но не жестокость, конечно. Если в определенные моменты проявить мягкость, а точнее мягкотелость, лошадь не забудет этого никогда. У нее может смениться 10 всадников, пройдут годы, но она будет помнить, как она справилась с одним человеком и будет проверять всех остальных — «на прочность».

А что вы думаете о французской «легкой» школе верховой езды

— Когда я закончила спортивную карьеру на Диксоне — сама себя объехала на Гарпуне на международных соревнованиях, директор нашей школы сказал, что Диксона надо или продавать или отдавать детям. Но у коня был бойцовский характер, и я понимала, что дети с ним не справятся. Будут его наказывать, и пострадают обе стороны. Битьем от него ничего не добьешься. И я решила продать его на Запад. На Диксона

претендовала голландская спортсменка, которая несколько лет выступала в составе сборной страны, ее лошадь состарилась, и она искала себе другую для выступления на ближайшей Олимпиаде. Она села на Диксона и — я была в шоке — не смогла сделать не только ни одного элемента, но даже проехать стенку рысью! Она так зажала его ногой, так вцепилась в повод, что он просто подставил челюсть и попер. Она помучалась два дня и отказалась. Потом на него попросила разрешения сесть известная в то время французская всадница Доминик Десне, которая много лет выступала за сборную Франции. Она тихонько покаталась на нем, и через 15 минут Диксон делал у нее абсолютно все — пассаж, менку ног в темп... Никаких трудностей. Из чего я сделала вывод, что наша и французская школа близки. В конечном итоге Диксона купила американка, любитель. Ей было уже за 40, она выступала по любительским ездам и захотела учиться большим ездам. Я увидела, как она прислушивается к лошади, мы позанимались с ней четыре дня. По элементам лошадь делала все. Был у меня и другой случай. Ко мне попал очень красивый, но сложный по характеру жеребец. Он с удовольствием катал кого угодно, новичка бы не уронил. 170 см в холке, очень здоровый. Но как только от него требовали подвести задние ноги, появлялось полное неприятие серьезной работы. Прыгать он тоже отказывался. Но я привыкла — взялся за гуж... В общем, к семи годам по отдельным элементам Большого приза я его подготовила. Но так и не выступила на нем, потому что больше 3-4 элементов подряд сделать не удавалось, мне надо было отдохнуть, отдышаться. Требовался очень сильный посыл, чтобы держать его в состоянии сбора. И я продала эту лошадь известному молодому западному всаднику. Он целую неделю испытывал лошадь — в том числе, на вожжах, в руках, сажал жену и смотрел со стороны. В конце концов, сказал: «Я чувствую, что в нем есть какая-то сложность, но мне очень нравится, как он двигается, какой он красивый. К тому же мне нужен производитель». И я думала, что наконец-то лошадь нашла своего всадника. Через год мы встретились с этим спортсменом на турнире, и он признался, что не справился с жеребцом. Я поняла почему. Он по немецкой школе позволил ему упереться в повод. А тут уже никакой человеческой ноги не хватит, чтобы выслать его вперед! Я видела маму этого жеребца в табуне — это такая гора, стояла и смотрела за дисциплиной, она строила абсолютно всех,

характер — ого-го!

Скажите, пожалуйста, меняются ли традиции в выездке, мода? Сейчас смотришь на фотографии лошадей на награждении — все как один стоят за поводом, раньше ведь такое не поощрялось? — Да, раньше это считалось пороком. Старые всадники мне говорили: что это Диксон у тебя так часто за повод уходит? А я отвечала, что мне так легче, и за границей мне не сделали ни одного замечания по этому поводу. Что касается моды, сейчас у нас кто впереди? — Немцы. Значит, они — ее законодатели.

Потому что они впереди по результатам выступлений? — Потому что конная индустрия у них поставлена на очень высокий уровень. Конный спорт — это ... Когда мы были сильным государством, нас принимали за границей совсем по-другому, чем сейчас. Я помню, как наша команда, тогда уже команда СНГ, приехала на турнир в Аахен, и наших лошадей ставили в самые лучшие конюшни. А когда мы в последний раз приехали в этот город на турнир, наше место оказалось возле навозной кучи, под навесом. Об этом не говорится открыто, но очень много зависит от уважения к государству.

А на судействе это отражается? — Да, влияет общая обстановка. И раньше меня учили: «Чтобы выиграть у западного всадника, ты должна выступить на две головы выше него». Если будешь ехать, как он, не выиграешь. Когда Филатов на Абсенте выиграл, судьи ведь очень долго совещались, смотрели пленки, но деваться им было некуда. Вообще в выездке, если выступаешь блестяще, но тебя не знают судьи, спортивная общественность, близко к первым местам не будешь. Нужно в течение длительного времени стабильно показывать хорошую езду, и тогда постепенно твое место будет подниматься выше и выше. Зато если уж попал в десятку лучших, твой авторитет начинает работать на тебя. А потом садишься на новую лошадь и начинаешь все с начала. И судья побаивается ставить тебе высокую оценку — а вдруг твое хорошее выступление — случайность? Многие судьи, даже оценивая езду одного всадника, посмотрев на один пируэт, не ставят оценку, пока не увидят второй. И если второй пируэт сорвешь, за первый высокую оценку не поставят.

Как вы считаете, для того, чтобы быть хорошим судьей, необходимо выступать самому или достаточно посещать семинары, накапливать опыт? — Конечно, лучше, когда человек пропустил все через себя. Такой судья более тонко понимает причины ошибок. Выступавшие судьи чуть-чуть более лояльны. Например, понимают, что нельзя требовать с молодой лошади так же, как с опытной. Но есть хорошие судьи и просто с большим опытом судейства.

А почему спортсмены, достигнув вершин мастерства, заработав себе имя, вдруг уходят из спорта в самом расцвете сил? — По разным причинам. Может быть, теряют интерес, может быть, спорт начинает мешать семейной жизни. Ведь такая работа требует огромной отдачи. Сколько лет я в конном спорте, и знаю, что когда уезжаешь, никто не будет следить за твоей лошадью, как ты сам. Может быть, поэтому я и несемейный

человек. Ни один муж этого не выдерживал. Лошади у меня в голове 24 часа в сутки. Хотя это все очень индивидуально. Может быть, уходят потому что здоровья не хватает. В конкуре и троеборье — травмы, в выездке — изнашивание позвоночника.

Скажите, пожалуйста, в чем секрет успеха голландской школы выездки в последние годы? — Она ничем не отличается от немецкой. Это все политика, большие деньги. Лет 10 назад в Голландии появился очень хороший молодежь, нужно было поднять на него цену, и решили «поднять» голландцев.

А у России есть потенциал в выездке? — Потенциал-то есть. А вот его реализация зависит от многих факторов. Например, в этом году мы пролетели с чемпионатом Европы — каково нашим спортсменам после этого выступать? Это еще очень большой минус в плане уважения к нашему государству и через него — к конникам. Спортсмены готовились, спонсоры вкладывали деньги — в выступления за границей, чтобы заработать рейтинг и попасть на этот турнир, а в результате — власть переменялась, и все труды пошли насмарку.

Как вы считаете, будут ли когда-нибудь проводиться крупные турниры в Сибири? — За границей никто на такие расстояния не ездит, только летают. Одно дело в Калининградскую область приехать, другое — в Сибирь. Хотя, если найдутся денежки на дорогу, почему нет? Когда оргкомитет Кубка Мэра оплачивал транспортировку лошадей до Москвы, так самые-самые лучшие к нам прилетали.

Как вы относитесь к проведению семинаров ведущими всадниками и судьями? — Положительно. Если хоть одно зерно человек из семинара вынесет, уже хорошо. Ведь если заниматься только по книгам, невозможно следить за современными тенденциями. Например, я помню, как менялось представление о том, каким должно быть постановление на принятии. Были годы, когда считалось правильным минимальное постановление, а были такие, когда считалось, что оно должно быть настолько сильным, насколько крутое исполняется принятие.

А можно вас пригласить провести семинар? Не хотите ли вы написать книгу?

— Я совсем не писатель и вообще не считаю себя таким уж большим специалистом. Каждая новая лошадь объясняет мне, что я ничего в этом деле не понимаю. Я не умею учить. Дело в том, что я сама поздно начала заниматься конным спортом. В первый раз села на лошадь в 16 лет, в прокате. А в СССР группы в спортшколы набирали с 11-12 лет, в каждом возрасте ребенок обязан был показывать определенные результаты, для того чтобы оставаться в группе, и чтобы тренер имел право держать под ним лошадь и получать зарплату. А я ни под какие мерки не подходила. Поэтому я дергала всех за рукав, спрашивала, некоторые отмахивались от меня, некоторые — делились. В голове не осталось никакой тренерской методики. Помню, как наш известный всадник Н.А.Ситько мне объяснял что-то. Слова все были понятные, но о чем он говорил, я начала понимать только спустя годы. Лет через 10-15 вспоминала его слова и понимала — вот оно что!

Н.А.МЕНЬКОВА: «НАДО ВЕРИТЬ В ЛОШАДЬ!» Часть 2

Как же вы попали в большой спорт?

— По шажочку, по шажочку... Я никогда о нем не мечтала. Если бы я могла предположить, что это станет моей профессией, я бы не поступала в технический ВУЗ, а пошла бы в ветеринарный. Показать полностью... А тогда отец отшиб эту мысль сразу: «Кто тебе сказал, что ты будешь работать с лошадьми, запрет в деревню (тогда была система распределения), и будешь принимать роды у свиней». Потом ветеринарные знания мне очень понадобились, но я уже не могла позволить себе учиться на дневном, а вечернего отделения в ветакадемии нет. Моя первая лошадь была выбракована из троеборья на списание. Это был жеребец чистокровной верховой породы. Молодой ветврач попросил разрешения оставить его и подлечить, чтобы он мог стать производителем, у него было хорошее происхождение. После года лечения его предложили мне как ненужную лошадь ненужному всаднику. И мы с ним 4 года шли от «молодой троеборной езды» до Малого приза. Тогда самой простой ездой был Малый приз. Никаких юношеских и любительских. Тренировалась я, будучи студенткой, вечером, при свете дежурной лампочки, т.к. свет в манеже не разрешали включать для меня одной. Как учить лошадь некоторым элементам, я вообще не знала. Например, мой жеребец менял на галопе ноги только передними ногами. И тренер школы, член сборной, попробовав пару раз сесть на него, сказал: «Он никогда не будет делать менку. Не трать на него время». А другой тренер, из «Динамо», Тиверовский (я же ко всем приставала с вопросами) сказал: «Я коня не видел, но одно скажу, если тебе удастся научить его этому элементу, он не будет врать на менке никогда». Так и получилось. Через несколько лет я могла менять на нем ноги на недоуздке, сидя задом наперед и в тапочках.

Как же вам это удалось?

— Непросто. Я не имела представления о равновесии лошади, но знала, что если в момент перемены заставлю ее сильно отбросить задние ноги в сторону, она вынуждена будет поменять ногу. И научила, но при этом мой жеребец раскачивался — метр туда — метр сюда. Надо было его выравнивать. Я нашла в лесу узенькую тропинку через болото, с двух сторон от которой были канавки, куда проваливались ноги лошади, если она заносила их в стороны. Все это было долго и мучительно, но в конечном итоге этот жеребец привез мне звание чемпионки Спартакиады Москвы и кандидата в мастера спорта, чем привел в шоковое состояние наших чемпионов.

Ваш пример очень важен сегодня, когда многие всадники жалуются: то лошади не хороши, то тренера нет, то манежа...

— Я ездила на разных лошадях, в том числе на стареньких, которые ушли на пенсию, но им нужен был моцион. Позанимаюсь на таком, потом уеду летом на практику, вернусь — а его уже отправили в завод. А наш старый зоотехник говорит: «Не плачь, я тебе другого дам, он полгода стоял, но очень хороший». До сих пор я не люблю соревнования и стараюсь выступать только после основательной подготовки — привычка с тех пор, как я боялась, что лошадь из-под меня передадут какому-нибудь «перспективному разряднику».

Вообще, в каких случаях пересадки всадников обоснованы, как вы считаете?

— Если человек сам чувствует, что это не его лошадь, стоит ее оставить. А если он горит желанием с ней работать — терпение и труд все перетрут! Рано или поздно они обязательно поймут друг друга. Надо верить в лошадь.

Как же может спортсмен не любить соревнования?

— А может ли студент любить сессию? Хотя сейчас популярна другая тенденция — накапливать соревновательный опыт. Некоторые молодые любят выступать — лошадь еще ничего не умеет, но — напялят фрак, цилиндр... Иногда видишь, как лошадь не выполняла элемент три года назад, так и сейчас не выполняет. А когда ей учиться, если они все время соревнуются — отдохнули после одного турнира, и сразу готовятся по схеме езды к следующему. Некогда работать над элементами. Выступления нужны для того, чтобы выявить свои недостатки, потом поработать над ними и показать в следующий раз какой-то прогресс.

Расскажите, пожалуйста, о лошадях, с которыми вы сейчас работаете.

— Один — Александрийского конного завода, точеный, неземной красоты, хотя и безупречного экстерьера, очень приятный в общении, я его называю «моя обезьянка». Ему больше интересны люди, чем лошади. В последнее время он меня радует. Его зовут Рибл, спортивный псевдоним Болеро. Самый молодой — серый 7-летний голштинiec Килиманджаро ростом 180 см, с ним физически очень трудно справиться. Он — единственный мерин из всех троих. 9-летний ганновер Вальхензее, лошадь очень высокого уровня, сын известного производителя Вельтмайера, умный, одна трудность — он жеребец-производитель. «Сначала женился», а потом пошел учиться. На последних соревнованиях травмировался в деннике, теперь несколько месяцев будет восстанавливаться. У него уже есть дети и внуки, но нет спортивного опыта, во многом надо стабилизироваться, поэтому я очень осторожно работаю с ним, несмотря на его возраст и большие способности. Вот так, два серых, один — вороной. Все они принадлежат Московскому спортивному клубу, где я работаю. И еще есть мой старенький Пост, это моя собственная лошадь, и я ему особенно не надоедаю.

Сейчас легче стало держать заслуженных лошадей на пенсии?

— Я бы не сказала. Скорее, наоборот, в советское время чаще находились места для заслуженных лошадей — Экспонат, Дида, Хинган. Сейчас все должно приносить деньги... Иногда видишь заслуженных лошадей в прокате. Для некоторых лошадей строят дворцы, но мало кто заботится о пенсионерах. Хотя во все времена люди были разные.

Большое спасибо, Нина Александровна, за интереснейшую беседу!